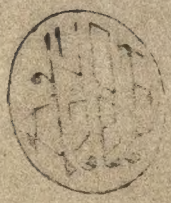
113 01/74 all -12-

ОЧЕРКИ РИМА.

АПОЛЛОНА МАЙКОВА.



ОЧЕРКИ РИМА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитет
узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ. 10-го декабря 1846 года.

Цензоръ *А. Мехелинъ*.

ОЧЕРКИ РИМА.

—

I.

Campagna di Roma.

Пора, пора! ужь утро ярко всходитъ;
Струистый лучъ проникъ въ мое окно.
Пойдемъ. Здѣсь душно, вяло и темно;
Здѣсь вешній день на сердце грусть наводитъ.
Возьмемъ коней, оставимъ темный Римъ,
И рядъ дворцовъ его тяжеловѣсныхъ,
И пеструю толпу вдоль улицъ тѣсныхъ,
И воздухомъ подышемъ полевымъ.

О, какъ легко! какъ грудь свободно дышетъ!
Широкій горизонтъ расширилъ душу мнѣ...
Мой конь усталъ... мысль бродитъ въ тишинѣ,
Земля горитъ и небо зноемъ пышетъ...
Сабинскихъ-горъ неровные края,
И Аппенинъ верхи снѣговѣнчанны,
Шумъ мутныхъ рѣкъ, безплодныя поля,
И будто нищій съ ризою раздранной,
Обломокъ башни обвитой плющомъ,
Разбитый храмъ съ остаткомъ смѣлыхъ сводовъ,
Да безконечный рядъ водопроводовъ
Открылися въ туманѣ голубомъ...
Величіе и ужасъ запустѣнья...

Угрюмаго источникъ вдохновенья.
Все тяжко спитъ, все умерло почти...
Лишь простучитъ на консульскомъ пути
По гладкимъ плитамъ конь поселянина,
И долго дикій всадникъ за горой
Виднѣется въ плащѣ, и съ палкой длинной
И въ шапкѣ острой... Вотъ въ тѣни руины
Еще монахъ усталый и босой,
Окутавшись широкимъ капюшономъ,
Заснулъ, склонясь на камень головой,
А вдалекѣ, подъ синимъ небосклономъ
На холмѣ мазанка изъ глины и вѣтвей,
И кипарисъ чернѣется надъ ней...

Измученный полудня жаромъ знойнымъ,
Вошелъ я внутрь руинъ безвѣстныхъ мнѣ.
Я объятъ былъ величьемъ ихъ спокойнымъ.
Глядѣть и слушать въ мертвой тишинѣ
Такъ сладостно!.....
То циркъ былъ нѣкогда: теперь онъ опустѣлъ,
Полынь и терпъ усѣлись на ступени,
Тамъ, гдѣ народъ рукоплескалъ, ревѣлъ.
Близъ ложи цезарей еще лежали
Куски статуй, курильницъ и амфоръ:
Какъ-будто-бы они здѣсь возсѣдали
Еще вчера, увеселяя взоръ
Ристаніемъ... но по аренѣ длинной
Цвѣтистый макъ пестрѣлъ между травой,
И тростникомъ, и розой полевой;
Лишь вѣтръ по ней ристалъ какъ конь пустынный.
Лохмотьями прикрытъ, полунагой,
Глаза какъ смоль и съ молніею взгляда,
Съ чернокудрявой, смуглой головой,
Тамъ мальчикъ пасъ овецъ пугливыхъ стадо.
Дичась, ко мнѣ онъ руку протянулъ,
«Я голоденъ» — сквозь зубы, повторяя...
И глядя на него, съ наморщеннымъ челомъ,
И руки на груди сложивъ крестомъ,
Мой спутникъ-юноша, весь циркъ обозрѣвая,
Всталъ Байрономъ, какъ-будто просіялъ,
И съ важностью трагической сказалъ:
«Италія, Италія святая!...»

II.

Ахъ, чудное небо, ей-Богу, надъ этимъ классическимъ Римомъ!
Подъ этакимъ небомъ невольно художникомъ станешь.
Природа и люди здѣсь будто другіе, какъ-будто картины
Изъ яркихъ стиховъ антологіи древней Эллады.
Ну вотъ, поглядите: по каменной бѣлой оградѣ разросся
Блуждающій плющъ, какъ развѣшенный плащъ иль завѣса;
Въ срединѣ, межь двухъ кипарисовъ, глубокая темная ниша,
Откуда глядитъ голова съ преуродливой миной
Тритона. Холодная влага изъ пасти, звеня, упадаетъ.
Къ фонтану альбанка (ахъ, что̀ за глаза изъ-подъ тѣни
Покрова сіяютъ у ней! что̀ за станъ въ этомъ аломъ корсетѣ!),
Подставивъ кувшинъ, ожидаетъ, какъ скоро водою
Наполнится онъ, а другая подруга стоитъ неподвижно,
Рукой охвативъ осторожно кувшинъ на облитой
Вечернимъ лучомъ головѣ... Художникъ (должно быть, германецъ)
Спѣшитъ срисовать ихъ, довольный, что случай нежданно
Въ ихъ позахъ сюжетъ ему далъ для картины, и вовсе не мысля,
Что я срисовалъ въ то же время и чудное небо,
И плющъ темнолистый, фонтанъ, и свирѣпую рожу Тритона,
Альбанокъ и даже — его-самого съ его кистью!

=

III.

Amoroso.

Выглянь, милая сосѣдка,
Въ окна комнаты своей!
Душитъ запертая клѣтка
Птичку вольную полей.

Выглянь! Солнце, потухая,
Ликъ твой ясный озаритъ,
И угаснетъ, оживляя
Алый блескъ твоихъ ланитъ.

Выглянь! глазками легонько,
Или пальчикомъ грозя,
Гдѣ ревнивецъ твой, тихонько
Дай мнѣ знать, краса моя.

О, какъ много бъ при свиданьѣ
Я хотѣлъ тебѣ сказать;
Слышать вновь твое признанье
И ревнивца поругать!...

Чу! твой голосъ! пѣсни звуки...
Слышу арфы тихій звонъ...
Усыпляй его, баюкай...
Тише... что?.. заснулъ ли онъ?

Ты въ мантильѣ, въ маскѣ черной,
Промелькнула предъ окномъ;
Слышу, съ лѣстницы проворно
Застучала башмачкомъ...

IV.

Послѣ посѣщенія Ватиканскаго Музея.

Еще я слышу вопль и ревъ Лаокоона,
Въ ушахъ звенитъ стрѣла изъ лука Аполлона,
И лучезарный самъ, съ свистящей тетивой,
Восторгомъ дышащій, сіяетъ предо мной...
Я видѣлъ ихъ: въ землѣ отрытые антики,
Въ чертогахъ дорогихъ воздвигнутые лики
Миѳическихъ боговъ и доблестныхъ людей:
Олимпа грознаго властителей священныхъ,
Весталокъ дѣвственныхъ, Вакханокъ изступленныхъ,
Брадатыхъ риторовъ и консульскихъ мужей,
Толпѣ вѣщающихъ съ простертыми руками...

Еще въ младенчествѣ любилъ блуждать мой взглядъ
По пыльнымъ мраморамъ потемкинскихъ палатъ.
Тамъ, въ залѣ царственномъ, межь пышными столбами,
Увитыми кругомъ сребристыми листами,
Какъ часто я стоялъ и съ думой и безъ думъ,
И съ строгой красотой дружилъ свой юный умъ.
Антики пыльные живыми мнѣ казались,
Какъ-будто-бы и мысль и чувство въ нихъ скрывались...
Забытые въ глуши блистательнымъ дворомъ,
Казалось, радостно съ высокихъ пьедесталовъ
Они внимали шумъ шаговъ моихъ вдоль заловъ,
И, властвуя моимъ младенческимъ умомъ,
Они роднились съ нимъ, какъ сказки умной няни,
Въ пластической красѣ миѳическихъ преданій..

Теперь, теперь я здѣсь, въ отчизнѣ свѣтлой ихъ,
Гдѣ боги межь людей, пріявъ ихъ образъ, жили,

И взору ихъ свой ликъ безсмертный обнажили.
Какъ дальній пилигримъ, среди святынь своихъ,
Средь статуй я стоялъ... Мнѣ было дико, странно:
Какъ-будто музыкѣ безвѣстной я внималъ,
Какъ-будто чудный свѣтъ вокругъ меня сіялъ,
Курился мирры дымъ и нардъ благоуханный,
И нѣкто дивный былъ и тяготѣлъ надъ мной...
Съ душой, подавленной восторженной тоской,
Глядѣлъ въ смущеньи я на лики вѣковые,
Какъ Скиѳы дикіе, пришедшіе съ Днѣпра,
Средь блеска пурпура царьградскаго двора,
Предъ благолѣпіемъ маститой Византіи,
Внимали музыкѣ имъ чуждой литургіи...

V.

На дальномъ Сѣверѣ моемъ
Я этотъ вечеръ не забуду.
Смотрѣли молча мы вдвоемъ
На вѣтви ивъ, прилегшихъ къ пруду,
Вдали синѣлъ лавровый лѣсъ,
И олеандръ блестѣлъ цвѣтами;
Густаго мирта былъ надъ нами
Непроницаемый навѣсъ;
Синѣли горныя вершины;
Тумана въ золотой пыли
Какъ-будто плавали вдали,
И акведуки и руины...
При этомъ солнцѣ огневомъ,
При шумѣ воднаго паденья,
Ты мнѣ сказала въ упоеньѣ:
«Здѣсь можно умереть вдвоемъ»...

VI.

Нищій.

Джузеппе старъ и дряхлъ; на площадяхъ лежитъ
Съ утра до вечера, читаетъ вслухъ каноны
И молитъ помощи онъ именемъ Мадонны;
И въ тридцать лѣтъ себѣ, какъ то молва гласитъ,
Два дома выстроилъ, и третій кончитъ скоро,
Женилъ двухъ сыновей, и внучекъ любитъ страхъ.
На пышной лѣстницѣ старинаго собора,
Лѣниво развалясь на мраморныхъ плитахъ,
Картинно голову прикрывъ лохмотьемъ старымъ,
На солнцѣ (видѣлъ я) онъ спалъ. Въ его ногахъ
Съ открытой шеею, палимой лѣтнимъ жаромъ,
Съ всклокоченной, какъ смоль, кудрявой головой,
Сидѣла дѣвочка... едва рубашкой грубой
Прикрытая. Въ очахъ огонь; какъ перлы зубы;
Уста какъ алый макъ... Лучъ солнца позлащалъ
Ланиты блѣдныя, худыя ноги, руки...
Въ величіи нужды, отчаянья и муки,
Старикъ приподнялся и горько простоналъ:
«Я три дня голодалъ»... Рѣсницы опустила
Стыдливо дѣвочка, съ улыбкой грустно-милой;
Въ очахъ блистали стыдъ и робость и тоска,
И, спрятавъ голову въ лохмотьяхъ старика,
Казалось, что-то намъ сказать она хотѣла,
Какъ роза вспыхнула... но говорить не смѣла.

VII.

Скульптору.

Былъ грубъ когда-то человѣкъ;
Младенцемъ жилъ и умеръ Грекъ.
И въ простотѣ первоначальной,
Что̀ слышалъ въ сердцѣ молодомъ,
Творилъ довѣрчиво рѣзцомъ
Онъ въ красотѣ монументальной,
Творилъ, какъ пѣснь свою поетъ
Рыбакъ у лона синихъ водъ,
Какъ дѣва въ грусти иль веселѣ,
Въ глуши альпійскаго ущелья...
И вкругъ священныхъ алтарей
Народы чтили человѣка
Въ созданьяхъ дѣственнаго Грека...
А ты, художникъ нашихъ дней,
Ты, аналитикъ и психологъ,
Что въ нашемъ духѣ отыскалъ?
Съ чего снимать блестящій сколокъ
Ты мрамору и бронзѣ далъ?
Ты прежнихъ силъ въ немъ не находишь,
И, мучась тяжкой пустотой,
Боговъ Олимпа къ намъ низводишь,
Забывъ, что̀ было въ нихъ душой,
Какъ ликъ Гамлета колоссальный
Актеръ коверкаетъ шальной
Предъ публикой провинціальной.

=

VIII.

Капуцинъ.

Разутый капуцинъ, веревкой опоясанъ,
Въ истертомъ рубищѣ, съ обритой головой,
Предъ раболѣпною народною толпой,
Восторженный, держалъ евангельское слово.
Онъ жарко слезы лилъ, полнъ рвенія святаго.
Рвалъ клочья бороды, одежду раздиралъ,
Въ нагую грудь себя нещадно ударяя.
Народъ, поверженный во прахъ предъ нимъ, рыдалъ,
Проклятьямъ и слезамъ молитвенно внимая.
Колѣно преклонилъ и я между толпой.
Но строгой истины оракулъ громовой
Не потрясалъ души моей. Иныя думы
Тревожили мой духъ суровый и угрюмый.
Провидѣнно мой взоръ въ сердца людей проникъ.
Тамъ плакалъ и стоналъ, какъ мальчикъ, ростовщикъ;
Тамъ, блѣденъ, слезы лилъ разбойникъ закоснѣлый;
Блудница дряхлая, узрѣвъ могилы сѣнь,
Молилась о грѣхахъ душою оробѣлой.
Но ты, дитя мое, ты, чистая какъ день,
Какъ первые цвѣты весны благоуханной,
О чемъ ты плачешь? Иль тебя бѣды нежданной
Томитъ предчувствіе? Иль съ страстію въ борьбѣ,
Ты хочешь выплакать мятежныхъ чувствъ избытокъ?
Иль духъ твой испугалъ развернутый днесь свитокъ
Пороковъ и злодѣйствъ, и мысль страшна тебѣ,
Что, можетъ, и въ твоей начертано судьбѣ
Пройдти чрезъ тотъ же путь и у могильной сѣни
Слезами смыть клеймо такихъ же заблужденій?

IX.

Въ Остеріи.

Пеппо, выпьемъ!.. Видишь, буря
Разъигралася въ горахъ!
Въ блескѣ молній очи жмуря,
Кони бѣсятся впотьмахъ.

Что̀ колпакъ остроконечный
Ты надвинулъ на глаза?
Или есть недугъ сердечный,
Иль на совѣсти гроза?

Знаю, за дурное слово,
За обиду, острый ножъ,
Не боясь суда людскаго,
Прямо въ сердце ты воткнешь;

Знаю, ты вина за чаркой,
За повадливую рѣчь,
Смѣло въ бой полѣзешь жаркой
И готовъ въ могилу слечь...

Вѣдь таковъ и левъ свирѣпый;
Былъ Андрокълъ... слыхалъ ли ты —
Нѣтъ? Такъ выпьемъ лучше, Пеппо,
Безъ ученой пустоты!

X.

Fortunata.

«Ахъ, люби меня безъ размышленій,
Безъ тоски, безъ думы роковой,
Безъ упрековъ, безъ пустыхъ сомнѣній,
Что̀ тутъ думать? Я твоя, ты мой!

Что̀ тебѣ отчизна, сестры, братья?
Что̀ намъ въ томъ, что̀ скажетъ умный свѣтъ?
Или холодны мои объятья?
Иль въ очахъ блаженства страсти нѣтъ?

Я любви не числю и не мѣрю,
Нѣтъ, любовь есть вся моя душа.
Я люблю — смѣюсь, клянусь и вѣрю...
Чувствую, какъ тутъ я хороша...

Вѣрь въ любви, что счастью не умчаться,
Вѣрь, какъ я, о гордый человѣкъ,
Что намъ вѣкъ съ тобой не разставаться
И не кончить поцалуя ввѣкъ...

XI.

Нимфа Эгерія.

Fecèmi la divina potestate,
La somma sapienza e l'primo amore.
Dante, Inf. Cant. III.

Жила я здѣсь, во мракѣ дубовъ мшистыхъ;
Молчаніе пещеры, плескъ ручья,
Густая синь небесъ, лѣсовъ тѣнистыхъ

Далекій гулъ, и жаръ златаго дня,
И ночи тишь, — все было полно мною.
Учила здѣсь и царствовала я.

Во время оно мужъ съ сѣдой главою,
Съ челомъ, на коемъ дума съ юныхъ лѣтъ
Изваялась, со свиткомъ и доскою,

Являлся звать меня. Внезапный свѣтъ
Его челу давала я. Мгновенно
Безжизненный былъ оживленъ скелетъ.

Онъ, грозный, думалъ; послѣ на колѣно
Склонивши доску, думалъ и чертилъ
Законъ или кровавый иль смиренный.

Онъ иногда довольствомъ свѣтелъ былъ;
Порой, смотря на роковыя строки,
Взоръ отвращалъ, блѣднѣлъ и слезы лилъ.

Являлась я ему въ тотъ мигъ жестокій.
Онъ голову склонялъ къ моей груди,
Какъ человѣкъ, прошедшій путь далекій

И утомленный ношею въ пути,
Иль какъ отецъ, свершая судъ суровый,
На казнь велѣвшій сына отвести.

«Ужель вѣкамъ пишу законъ громовый?
Чтобъ межь людей добро укоренять,
Ужель нужна лишь плаха да оковы?...»

Вздыхала я, упорствуя молчать.
Старикъ опять читалъ свои скрижали,
И снова думалъ и писалъ опять.

XII.

Тиволи.

Боже, какъ смотришь на эти лиловыя горы,
Ярко оранжевый западъ и блѣдную синь на востокѣ,
Мракомъ покрытыя виллы и рощи глубокой долины:
На этотъ городъ прилѣпленный къ горному склону,
Бѣлыя стѣны, покрытыя плющемъ густымъ, кипарисы,
Лавры, шумящія воды, и тамъ на скалѣ, озаренный
Слабымъ сіяньемъ зари, на колоннахъ, античныхъ
Маленькій храмикъ Цибеллы, алтарь и статуи...
Грустно подумать, что тамъ за горами, на полночь,
Люди живутъ и не знаютъ ни горъ въ багряницахъ
Огненныхъ зорь, ни широкихъ кругомъ горизонтовъ!..
Больно; сжимается сердце и мысль... Но грустнѣе
Думать, что бродишь тамъ въ полѣ, богатомъ покосомъ,
Въ темныхъ лѣсахъ, — и ничто въ этой бѣдной природѣ
Мысли твоей утомленной не скажетъ, какъ эти
Виллы обломки: «здѣсь нѣкогда, съ чашей Фалерна,
Въ мудрой бесѣдѣ, за долгой трапезой съ друзьями,
Туллій отъискивалъ тайны законовъ созданья»;
Розы лепечутъ: «вѣнчали мы дѣвъ смуглолицыхъ,
Сладко поющихъ Милета и Делоса дщерей, —
Лирой и пляской своей потѣшавшихъ Лукулла»;
Воды: «подъ наше паденье, подъ музыку нашу
Ямбъ и гекзаметръ настроивалъ кроткій Горацій»;
Гроты, во мракѣ которыхъ шумятъ водопады:
«Здѣсь говорила устами природы Сивилла;
Жрецъ многодумный, таинственно въ лунныя ночи
Слушалъ глаголы богини, и послѣ вѣщалъ ихъ
Робкой толпѣ со ступеней цибеллина храма...
Въ нѣдрахъ горы, между тѣмъ, собирались какъ тѣни

Ратники новыя вѣры, и рабъ и патрицій;
Слышались странные звуки и чуждое пѣнье,
Будто Везувій во мракѣ клокочущій лавой,
И выходили потомъ съ вдохновеньемъ суровымъ
Въ міръ на мученье, съ глаголомъ любви и смиренья»...

XIII.

Анахоретъ.

Двадцать лѣтъ въ пустынѣ,
На скалѣ я прожилъ,
Выше тучь, тумановъ
И громовъ и молній.

Изгнанный изъ міра,
Горько міръ я бросилъ,
Но забыть съ нимъ трудно
Порванныя связи.

И когда вдругъ солнце
Облака́ разгонитъ,
Города́ въ долинѣ
Заблестятъ какъ искры,

Мнѣ на мысль приходитъ —
Въ двадцать лѣтъ, быть можетъ,
Все давно свершилось,
Изъ чего я бился:

Бѣдный свергъ оковы;
Сильны и прекрасны,
Разумомъ и волей
Племена земныя...

Лжи не воздвигаютъ
Пышныя кумирни,
Ловкаго злодѣя
Не чествтъ какъ бога...

Иль... быть-можетъ, нынѣ
Люди и забыли,
Чѣмъ во дни былые
Доблестны мы были!...

XIV.

«— Скажи мнѣ, ты любилъ на родинѣ своей?
Признайся, что она была меня милѣй,
Прекраснѣе?»
— Она была прекрасна...
«— Любила ли она, какъ я тебя, такъ страстно?
Скажи мнѣ, у нея былъ мужъ, отецъ иль братъ,
Надъ чьимъ дозоромъ вы смѣялися заочно?
Все разскажи... и какъ порою полуночной
Она спускалася къ тебѣ въ тѣнистый садъ?
Могла ль она, какъ я, такъ пламенно руками,
Какъ змѣи сильными, обвить тебя? Уста
Ненасытимыя въ лобзаньѣ никогда,
Съ твоими горячо ль сливалися устами?
Въ тѣ ночи тайныя, когда бъ застали васъ,
Достало ли бъ въ ней силъ, открыто, не страшась,
Въ глаза имъ объявить, что ты ея владѣнье,
Жизнь, кровь, душа ея? на строгій судъ людей
Глядѣла ли бъ она спокойнымъ, смѣлымъ взоромъ?
Гордилась ли бъ она любви своей позоромъ?..
Ты улыбаешься... ты думаешь о ней...
О, хороша она... и образъ ненавистный
Еще не вырвала я изъ груди твоей...»
—Ахъ, не брани ея! Глубоко, безкорыстно,
Любили мы. Но вѣрь, ни разу ни она,
Ни я любви своей мы высказать не смѣли.
Она была со мной какъ-будто холодна;
Любя, другъ друга мы стыдились и робѣли:
Лишь худо-скрытый вздохъ, случайный, бѣглый взоръ
Ей измѣнялъ. У насъ всегда былъ разговоръ
Незначущъ, о вещахъ пустыхъ, обыкновенныхъ;
Но какъ-то въ тѣхъ словахъ, въ той болтовнѣ пустой,

Угадывали мы душою смыслъ иной
И голосъ слышали страданій сокровенныхъ.
И только разъ уста мои ея руки
Коснулись; но потомъ мнѣ стыдно, больно было,
Когда она ко мнѣ безмолвно обратила
Взоръ полный слезъ, мольбы, укора и тоски...
Тотъ взоръ мнѣ все сказалъ; онъ требовалъ пощады,
Онъ говорилъ мнѣ: намъ пора, разстаться надо...
«— И вы разстались?»
— Разстались. Я сказать
Хотѣлъ ей что-то, и она, казалось, тоже;
Но тутъ вошли — должны мы были замолчать...
«—Любить! Молчать!!. И вы любили?!. Боже, Боже!..»

XV.

Художникъ.

Кисти ты бросилъ, забылъ о палитрѣ и краскахъ,
Проклялъ ты Римъ и лилово-сребристыя горы;
Ходишь какъ чумный; на дѣвъ смуглолицыхъ не смотришь;
Ночью до утра сидишь въ остеріи за кружкой,
Хмурый какъ родина наша... Твоя Лора плачетъ,
Тщетно гадая о чемъ ты тоскуешь, и смотритъ
Въ очи тебѣ и порой ловитъ бредъ твой сквозь-сонный.
Что? не выходитъ твой Римъ на картинѣ? Что? воздухъ
Тонкой струей не бѣжитъ между листьевъ? солнце
Легкимъ, игривымъ лучомъ не скользитъ по аллеѣ?
Горы не рядятся въ легкую дымку тумановъ полудня?
Руку, художникъ! ты тайну природы постигнешь:
Думать будетъ картина — ты самъ, негодуя,
Выносилъ въ сердцѣ тяжелую думу.

XVI.

Fiorina.

«Смуглянка милая, подъ этимъ миртомъ темнымъ
И хмѣлемъ вьющимся по мраморамъ огромнымъ,
Минуту отдохнемъ. Скажи, ты рождена
Въ долинѣ здѣсь: скажи, какое это зданье?
Ты знаешь, ангелъ мой, какъ говоритъ преданье,
Кѣмъ строено, зачѣмъ, въ какія времена?»

— Не знаю, мы сюда за земляникой ходимъ,
А на зиму стада пастись сюда приводимъ.
Бываютъ многіе и смотрятъ. Кардиналъ
Сюда съ дворомъ своимъ намедни пріѣзжалъ.
Я ягодъ подала ему; онъ взялъ немного,
Благословилъ меня, велѣлъ молиться Богу,
Красавицей меня и умницей назвалъ...
На мнѣ въ тотъ день вѣнокъ былъ изъ листковъ дубовыхъ,
А въ косы я вплела нить бисеровъ перловыхъ.

XVII.

Двойникъ.

Назвавши гостей, приготовилъ я яствъ благовонныхъ,
Въ сосуды хрустальные налилъ вина золотаго,
Убралъ молодыми цвѣтами свой столъ, и заранѣ
Веселый, что скоро здѣсь клики и смѣхъ раздадутся,
Вокругъ я ходилъ, поправляя приборы, плоды и гирлянды.
Но гости не идутъ никто... Измѣнила и ты, молодая
Царица стола моего, для которой нарочно
Я лучшій вѣнокъ приготовилъ изъ лилій душистыхъ,
Которой бы голосъ и яркія очи, уста и ланиты
Служили бы солнцемъ веселости общей, закономъ
И сладкой уздой откровенному Вакху... Что жь дѣлать?
Печально гляжу я на ясныя свѣчи, рядъ длинный приборовъ.
А гдѣ же друзья? гдѣ она?... отъ-чего не явилась?.. Быть можетъ...
Вѣдь женское сердце и женская клятва что вѣтеръ...
Эхъ, сяду за кубокъ одинъ я... Одинъ ли?... А онъ, неотступный,
Зачѣмъ онъ, непрошеный гость, предо мною усѣлся,
Съ насмѣшкой глядитъ мнѣ въ глаза? И напрасно движенья
Досады и ревности скрыть передъ нимъ я стараюсь...
Охъ, трудно привыкнуть къ нему, хоть давно мы знакомы!
Все страшно въ немъ видѣть свой образъ, но только безъ сердца,
Безъ страсти и съ вѣчно-холодной логической рѣчью.
Софистъ неотступный, оставь меня! Что̀ тебѣ пользы,
Хирургъ безпощадный, какъ трупъ рѣзать теплую душу?...

XVIII

Lorenzo.

Слава Богу, деньги есть.
Шляпу на́ брови надвину,
Плащъ широкій перекину
Чрезъ плечо... войду я въ честь.

Встрѣтитъ князь меня съ почтеньемъ,
И поклонится аббатъ,
И маркизы съ приглашеньемъ
Мнѣ на встрѣчу полетятъ.

Я высокъ, красивъ и ловокъ...
Рѣчь — серебряная нить;
Знаю тайну всѣхъ уловокъ
Сердце женщины дразнить.

Въ будуаръ благоуханный
Въ ночь прокрадусь я тайкомъ...
Знаю, будетъ плакать Нанна,
Такъ, съ досады... что жь мнѣ въ томъ?

Деньги выйдутъ... что́ жь за дѣло?
Молотокъ возьму я свой,
Буду сѣчь я мраморъ бѣлый
У скульптора въ мастерской.

А наскучитъ — повалюся
Я на паперти церквей,
И калѣкой притворюся...
Долго ль обмануть людей?

Стыдно что ль? Пусть мнѣ пеняютъ,
Что казны не клалъ подъ спудъ!...
А маркизы?.. Не узнаютъ!
А узнаютъ — прочь пойдутъ.

Что̀ мнѣ въ нихъ? всегда мнѣ Анна,
Какъ бы ни явился я,
Встрѣтивъ, скажетъ: «другъ желанный,
Гость мой милый, я твоя!»

XIX.

Все утро въ поискахъ, въ пещерахъ подъ землей,
Въ гробницахъ, въ циркахъ!... Ну, пусть трудъ свершаютъ свой
Сопутники мои — этрурскій антикварій,
И нѣмецъ - кропотунъ въ разборѣ всякой стари!
Довольствуюся я, какъ славянинъ прямой,
Идеей общею въ наукѣ Винкельмана.
Какое дѣло мнѣ до точности годовъ,
До вѣрности именъ! Голодный, я готовъ
Хоть къ чорту отослать Метелла и Траяна...
И жаръ невыносимъ! вся выжжена земля!
Зеленыхъ ящерицъ пугливая семья
Подъ листья прячется, шумя плющомъ руины;
Далекій горизонтъ въ серебряной пыли...
А! вотъ подъ аркою старинною въ тѣни
Домишко, слѣпленный изъ тростника и глины!
Прощайте! Ну, мой конь! вотъ берегъ! берегъ! въ путь!
Вѣдь въ этой хижинѣ живетъ какой-нибудь
Потомокъ Ромула, Помпея иль Нерона?
Стучусь. Э-ге! кто тамъ? Signor padron! padrona!...
О Римъ, о чудный край! все кажется здѣсь сномъ!
Передо мной стоитъ съ широкими косами,
Хозяйка стройная, съ блестящими очами,
Со смугло-палевымъ классическимъ лицомъ
И южной граціей движеній и улыбокъ...
А какъ роскошный станъ изваянъ! строенъ! гибокъ!..
Я съ жадностью слѣдилъ, какъ ставила она
Передо мною сыръ съ фіаскою вина...
«Вы замужемъ?» — «Мой мужъ уѣхалъ въ городъ». — «Долго
Пробудетъ?» — «Дня два, три...» Тутъ говорилъ я ей
О мнимой святости супружескаго долга,
Что вообще любить не надобно мужей,
А сердцу выборъ дать. Она сперва молчала,

Иль съ миной набожной серьёзно отвѣчала:
«Такъ Богъ велитъ». Потомъ, вдругъ пальчикъ свой прижавъ
Къ устамъ и глазками на уголъ указавъ,
Шепнула: «Завтра». Я взглянулъ на уголъ темный,
И вижу, капюшонъ спустивши, тихо, скромно,
Храня смиренія и умиленья видъ,
Молитву набожно свершаетъ іезуитъ.

XX.

Газета.

Сидя въ тѣни виноградника, жадно порою читаю
Вѣсти съ далекаго Сѣвера—поприща жизни разумной...
Шумно за Альпами движутся въ страшной борьбѣ поколѣнья:
Ломятся съ трескомъ подмостки старинной громады и смѣло
Мысль обрываетъ кулисы съ плачевнаго зрѣлища правды.
Здѣсь же все тихо: до сѣни спокойно-великаго Рима
Громы борьбы ихъ лишь эхомъ глухимъ изъ-за Альпъ долетаютъ;
Точно изъ вѣрной обители смотришь, какъ молніи стрѣлы
Тучи чертятъ и вдругъ заревомъ рдянымъ лѣса зажигаютъ,
Крестъ золотой съ колокольни ударомъ сорвутъ и разгонятъ
Въ страхѣ людей какъ пугливое стадо овецъ изумленныхъ...
Такъ бы хотѣлось туда! тоже смѣло бы, кажется, бросилъ
Огненный стихъ съ сокрушительнымъ словомъ!.. Поникнешь въ раз-
думьѣ
Вдругъ головой; выпадаетъ изъ рукъ роковая газета...
Но какъ припомнишь подробности въ цѣломъ торжественной драмы,
Жалкихъ Ахилловъ журнальнаго міра, и мелкихъ Улиссовъ;
Вспомнишь корысть ихъ, какъ двигатель—впрочемъ великаго дѣла—
Точно какъ сонъ отряхнувъ, поглядишь на тебя, моя Нина,
Какъ ты, ревнуя меня не къ газетѣ, а къ Наннѣ сосѣдкѣ,
Сядешь напротивъ меня, сохраняя серьёзную мину,
Губки надувъ и нарочно не смотришь мнѣ въ очи... Мгновенно
Все позабудешь, и грязь и величье общественной драмы:
Бросишься мигомъ тебя цаловать. Ты противишься, съ сердцемъ,
Чуть не сквозь слезъ, уклоняя уста отъ моихъ поцалуевъ, и послѣ
Легкой борьбы добровольно уступишь и долгимъ лобзаньемъ
Я заглушаю въ устахъ у тебя и укоры и брань.

XXI.

Люблю въ тебѣ веселье юныхъ лѣтъ,
И рѣчь, блестящую порывами живыми;
Слѣжу за легкими движеньями твоими:
Полымешь ли кувшинъ съ сверкающимъ виномъ,
Мнѣ взора не отвесть отъ пальцевъ бѣлоснѣжныхъ,
Отъ мраморной руки съ поднятымъ рукавомъ,
Отъ обнаженныхъ плечь и ихъ изгибовъ нѣжныхъ...
Блѣднѣешь ты?.. Не слышишь ли вдали
Шаговъ завистливыхъ льдянаго подозрѣнья?
Брось ихъ, не отравляй минуты наслажденья
И праздника украденной любви.
Дверь замкнута... Одинъ я твой властитель!..
Гирлянды, свитыя заботливо тобой,
Воспламененною я дерзко рву рукой...
Прочь пиршые огни! пускай въ твою обитель
Войдетъ глухая ночь; пусть видитъ лишь луна,
Скользя черезъ стекло высокаго окна,
Сребро и золото сосудовъ осушенныхъ,
Цвѣты твои, запутанные мной
Въ распущенныхъ косахъ, и мраморъ снѣговой
Какъ воскъ прозрачныхъ плечь, отъ ризъ освобожденныхъ.

XXII.

Антики.

О, мраморъ, хранилище мысли былыхъ поколѣній!
Въ могилахъ тебя отыскали средь пепла и камней;
Художникъ сложилъ во-едино разбитые члены,
Трудяся съ любовью, какъ-будто бы складывалъ вмѣстѣ
Куски драгоцѣнные писемъ отъ милой, безумно
Разорванныхъ въ гнѣвѣ... Израненный, нынѣ предъ нами
Стоишь ты въ чертогахъ, и люди къ тебѣ издалека
Стремятся, какъ къ чудной святынѣ толпы пилигримовъ...
Творцы твои были, быть-можетъ, честимы и славны,
На площади града вѣнчанны шумящимъ народомъ,
Въ палаты царей приходили какъ лучшіе гости...
Иль, можетъ-быть, въ жизни узнали лишь горе да голодъ,
Труда вдохновенныя ночи, да творчества гордость,
И нынѣ ихъ имя погибло, и можетъ-быть поздно
Узнали ихъ геній... и имъ неизвѣстно осталось,
Какой ѳиміамъ воскуренъ имъ далекимъ потомствомъ,
Нелживый и чистый, подобный тому, что курили
Въ Аѳинахъ жрецы алтарямъ неизвѣстнаго Бога....

XXIII.

Игры.

«Хлѣба и зрѣлищъ!»

Кипѣлъ народомъ циркъ. Дрожащіе рабы
Въ аренѣ съ ужасомъ плачевной ждутъ борьбы.
А тигръ межь-тѣмъ ревѣлъ, и прыгалъ барсъ игривый,
Голодный левъ рычалъ, желѣзо клѣтки грызъ,
И кровью какъ огнемъ глаза его зажглись.
Отворено: взревѣлъ, взмахнувъ хвостомъ и гривой,
На жертву кинулся... Народъ рукоплескалъ...
Въ толпѣ, окутанный льняною, грубой тогой,
Съ нахмуреннымъ челомъ сѣдой старикъ стоялъ,
И ликъ его сіялъ торжественный и строгой.
Съ угрюмой радостью, казалось, онъ взиралъ
Спокоенъ, холоденъ, на страшныя забавы,
Какъ кровожадный тигръ добычу раздиралъ
И злился въ клѣткѣ барсъ, почуя духъ кровавый.
Близъ старца юноша, смущенный шумомъ игръ,
Воскликнулъ: «Проклятъ будь, о Римъ, о лютый тигръ!
О, проклятъ будь народъ безъ чувства, безъ любови,
Ты рукоплещущій, какъ звѣрь, при видѣ крови!»
— «Кто ты?» спросилъ старикъ.—Аѳинянинъ! Привыкъ
Рукоплескать однимъ я стройнымъ лиры звукамъ,
Однимъ жрецамъ искусствъ, не воплямъ и не мукамъ»....
— «Ребенокъ, ты не правъ», отвѣтствовалъ старикъ.
— Злодѣйство хладное душѣ невыносимо!
— «А я благодарю боговъ-пенатовъ Рима.»
— Чему же ты такъ радъ?—«Я радъ тому, что есть
Еще въ сердцахъ толпы свободы голосъ — честь:
Бросаются рабы у насъ на растерзанье —
Рабамъ смерть рабская! Собачья смерть рабамъ!

. . . . . .
. . . . . .

XXIV.

Сижу задумчиво съ тобой на-единѣ;
Какъ прежде, предо мной синѣютъ даль и горы..
Но съ тайвой робостью покоишь ты на мнѣ
Внимательной тоски исполненные взоры..
Ты чувствуешь, что есть соперница тебѣ —
Не дѣва юная... ты слышишь, призываетъ
Меня нѣмая даль, влечетъ къ иной судьбѣ...
Ты чувствуешь, мой духъ въ тоскѣ изнемогаетъ,
Какъ плѣнный вождь, возсталъ отъ сладкихъ сновъ любви,
И силы новыя онъ чувствуетъ въ крови,
И, зодчій ревностный, упрямое мечтанье
Уже грядущаго сооружаетъ зданье...

XXV.

Древній Римъ.

Я видѣлъ древній Римъ: въ развалинѣ печальной
И храмы и дворцы, поросшіе травой,
И плиты гладкія старинной мостовой,
И колесницъ слѣды подъ аркой тріумфальной,
И въ лунномъ сумракѣ, съ гирляндою аркадъ
Полуразбитыя громады Колизея...
Здѣсь, посреди сихъ стѣнъ, гдѣ плющъ растетъ, чернѣя,
На прахѣ Форума, гдѣ у телегъ стоятъ
Привязанные вкругъ коринѳской капители
Рогатые волы, — въ смущеньѣ я читалъ
Всю лѣтопись твою, о Римъ, отъ колыбели,
И духъ мой въ сладостномъ восторгѣ трепеталъ.
Какъ пастырь посреди пустыни одинокой
Находитъ на скалѣ гиганта слѣдъ глубокой,
Въ благоговѣніи глядитъ, и, полнъ тревогъ,
Онъ мыслитъ: «здѣсь прошелъ не человѣкъ, а богъ,—
Сыны печальные безцвѣтныхъ поколѣній
Мы, сердцемъ мертвые, мы, нищіе душой,
Считаемъ баснею мы вѣкъ громадный твой,
И школьныхъ риторовъ созданіемъ твой геній!..
Иные люди здѣсь, намъ кажется, прошли
И врѣзали свой слѣдъ нетлѣнный на земли,
Великіе въ бѣдахъ, и въ битвѣ, и въ сенатѣ,
Великіе въ добрѣ, великіе въ развратѣ!
Ты палъ, но палъ какъ жилъ... Въ паденіи своемъ,
Ты тотъ же, какъ тогда, когда, храня свободу,
Подъ знаменемъ ея ты бросилъ кровъ и домъ,
И кланялся сенатъ строптивому народу...
. . . . . .

Такимъ же кончилъ ты. . . . . .

. . . . . .

Пусть сыплетъ золото онъ сонму низкихъ слугъ,
Продавшихъ доблести и предковъ гордый духъ:
Пускай трибуна гласъ сердца толпы не движетъ;
Пускай Лицинія она цалуетъ прахъ,
Пускай Лициній самъ слѣды смиренно лижетъ
Сандалій Клавдія, бьетъ въ грудь себя; въ слезахъ
Предъ статуей его пусть падаетъ въ молитвѣ,
— Да полный урожай полямъ онъ ниспошлетъ,
И къ пристани суда безвредно приведетъ:
Ты духу мощному, испытанному въ битвѣ,
Искалъ забвенія... достойнаго тебя.
Да, чувство горькое въ душѣ своей тая,
Старикъ своихъ сыновъ училъ за чашей яду:
»Покуда молоды — плюща и винограду!
Дооблачныхъ палатъ, тропическихъ деревъ!
Вѣнчайся розами, цалуй прекрасныхъ дѣвъ;
Взирая на скелетъ, увѣнчанный цвѣтами,
Ты помни, что еще увидишься съ друзьями.
Порою посѣщай и портикъ и лицей,
И въ спорахъ съ мудрыми ты разумомъ созрѣй.
Кляня щедушіе людей, иди на игры,
Рукоплещи, какъ ихъ терзаютъ львы и тигры!
Учись товарищемъ и другомъ смерть считать;
Ищи въ ней пристани отъ бурь судьбы унылой,
И вкругъ созвавъ друзей, себѣ открывши жилы,
Учи дѣтей своихъ, какъ должно умирать.«

XXVI.

Думалъ я, что небо
  Ясное полудня,
Сѣнь оливъ и мирта,
  Музыкальный голосъ,
Жаркія лобзанья
  Жёнъ высокогрудыхъ
Исцѣлятъ недуги
  Страждущаго сердца;
Думалъ я, что сила
  Строгаго искусства,
Вѣковая почва —
  Прахъ святой героевъ,
Хоть забвеньемъ сладкимъ
  На душу повѣютъ;
Что въ ней хоть замолкнутъ
Жажда теплой вѣры
  И безвѣрья муки,
Жажда дѣлъ высокихъ
  И тоска безсилья;
Разума гаданья,
  И надъ нимъ насмѣшки. .
За порывъ восторга
  Платишь горькой мукой:
Старая проснется
  Прежняго остріе,
Какъ хозяйка злая,
  За одинъ взглядъ бѣглый
На красу чужую,
  Встрѣтитъ бранью злѣе,
Старое припомнитъ,
  И язвитъ и колетъ...
Хоть бѣги со свѣта!

XXVII.

Palazzo.

Войдемте: вотъ чертогъ съ богатыми столбами,
Земнымъ полубогамъ сооруженный храмъ.
Прохлада царствуетъ межь этими стѣнами,
Лѣниво бьетъ фонтанъ по мраморнымъ плитамъ;
Терассы убраны роскошными цвѣтами,
И древніе гербы блистаютъ по стѣнамъ —
Эмблемы доблестей фамилій, гордыхъ властью:
Кабаньи головы, да львы съ открытой пастью.

Здѣсь все еще хранитъ слѣды временъ былыхъ;
Вездѣ минувшаго остатки вѣковые.
Вотъ груды пышныя доспѣховъ боевыхъ
И исполинскій мечъ и латы пудовыя,
И Палестины вѣтвь и кость мощей святыхъ;
Тамъ пытокъ варварскихъ орудья роковыя,
Колеса и зубцы; вкругъ дивный даръ руинъ,
Антики желтые и длинный рядъ картинъ:

То предки гордые фамиліи высокой.
Тамъ старцы: латы ихъ изрублены въ бояхъ,
И страшенъ яркій взглядъ, съ улыбкою жестокой...
Тамъ красный кардиналъ, въ маститыхъ сѣдинахъ,
Колѣнопреклоненъ съ молитвою глубокой,
Передъ Мадонною съ Младенцемъ на рукахъ;
Тамъ юноша, средь музъ, любимый Аполлономъ,
Вѣнчанный миртами лукавымъ Купидономъ.

Тамъ жены: та бѣла, какъ мраморъ гробовой,
Во взглядѣ злая скорбь и ужасъ затаенный...

То жизнь, убитая боязнью и тоской,
То жалоба души, судьбою обреченной
Служить для деспота свирѣпаго рабой
И сластолюбія забавою презрѣнной;
Какъ-будто говоритъ она: «здѣсь дни губя,
Жила и умерла я въ мукахъ, не любя»...

Та — жизни полная, и въ блескѣ самовластья —
Сомкнутыя уста, нахмуренная бровь...
Обыкновенныхъ женъ ей мало было счастья,
И гордая душа прорвалась изъ оковъ;
Служили ей кинжалъ, и ядъ, и сладострастье,
На шумныхъ оргіяхъ и мщенье и любовь —
И взоръ ея горитъ насмѣшкой изступленной,
Всей гордостью души глубоко оскорбленной....
. . . . . .

И нынѣ пусто все въ блестящей галереѣ...
На этихъ мраморахъ густая пыль лежитъ;
Оборванный лакей, въ истасканной ливреѣ,
На креслахъ бархатныхъ раскинувшись, храпитъ;
И въ залахъ, какъ среди развалинъ Колизея,
Семейство Англичанъ кочуетъ и шумитъ...
А вы — вы кинули отцовъ чертогъ печальный,
Наслѣдники ихъ правъ и чести феодальной?

Благословенье вамъ! не злато, не гербы,
Вамъ стали божествомъ, а разумъ и природа,
И громко отреклись вы отъ даровъ судьбы —
. . . . . .
И вняли вы призывъ торжественной борьбы
И движетъ вами кликъ «Италіи свобода!»
И гордо шелеститъ, за честь страны родной,
Болонская хоругвь надъ вашей головой!

Благословенье вамъ! Италіи спасенной
Въ васъ избавителей увидѣть суждено!...
Но тише... здѣсь живутъ: раскинутъ столъ зеленый,
Вчера здѣсь пиръ былъ: все исписано сукно;
Тамъ дребезги стекла... бокалъ неосушенный...
И солнце облило лучами, сквозь окно,
Перчатки женскія и бюстъ Сократа важный,
Накрытый шляпкою красавицы продажной.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. №
197 г.

Цѣна за экземпляръ 1 р. [illegible] *ер.*